

В овраге — эпизод 12 из 16

Старик опять молча прошелся по всем комнатам, и когда вернулся к Варваре, то сказал:

Должно, нездоров я. В голове того... туманится. Мысли мутятся.

Он затворил дверь, чтобы не услышала Липа, и продолжал тихо:

С деньгами у меня нехорошо. Помнишь, Анисим перед свадьбой на Фоминой привез мне новых рублей и полтинников? Сверточек-то один я тогда спрятал, а прочие какие я смешал со своими... И когда-то, царствие небесное, жив был дядя мой, Дмитрий Филатыч, всё, бывало, за товаром ездил то в Москву, то в Крым. Была у него жена, и эта самая жена, пока он, значит, за товаром ездил, с другими гуляла. Шестеро детей было. И вот, бывало, дяденька, как выпьет, то смеется: Никак, говорит, я не разберу, где тут мои дети, а где чужие. Легкий характер, значит. Так и я теперь не разберу, какие у меня деньги настоящие и какие фальшивые. И кажется, что они все фальшивые. Ну вот, бог с тобой!

Покупаю на вокзале билет, даю три рубля, и думается мне, будто они фальшивые. И страшно мне. Должно, нездоров.

Что говорить, все под богом ходим... Ох-тех-те... проговорила Варвара и покачала головой. Надо б об этом подумать бы, Петрович... Неровен час, что случится, человек ты немолодой. Помрешь, и гляди, без тебя б внушка не обидели. Ой, боюсь, обидят они Никифора, обидят! Отца, считай так, уже нет, мать молодая, глупая... Записал бы ты на него, на мальчишку-то, хоть землю, Бутёкино-то это, Петрович, право! Подумай! продолжала убеждать Варвара. Мальчик-то хорошенький, жалко! Вот завтра поезжай и напиши бумагу. Чего ждать?

А я забыл про внушка-то... сказал Цыбукин. Надо поздороваться. Так ты говоришь: мальчик ничего? Ну, что ж, пускай растет. Дай бог!

Он отворил дверь и согнутым пальцем поманил к себе Липу. Она подошла к нему с ребенком на руках.

Ты, Липынька, если что нужно, спрашивай, сказал он. И что захочешь, кушай, мы не жалеем, была бы здорова... Он перекрестил ребенка. И внушка береги. Сына нет, так внучек остался.

Слезы потекли у него по щекам; он всхлипнул и отошел. Немного погодя он лег спать и уснул крепко, после семи бессонных ночей.

Старик уезжал ненадолго в город. Кто-то рассказал Аксинье, что он ездил к нотариусу, чтобы писать завещание, и что Бутёкино, то самое, на котором она жгла кирпич, он завещал внуку Никифору. Об этом ей сообщили утром, когда

старик и Варвара сидели около крыльца под березой и пили чай. Она заперла лавку с улицы и со двора, собрала все ключи, какие у нее были, и швырнула их к ногам старика.

Не стану я больше работать на вас! крикнула она громко и вдруг зарыдала. Выходит, я у вас не невестка, а работница! Весь народ смеется: Гляди, говорят, Цыбукины какую себе работницу нашли! Я у вас не нанималась! Я не нищая, не хамка какая, есть у меня отец и мать.

Она, не утирая слез, устремила на старика глаза, залитые слезами, злобные, косые от гнева; лицо и шея у нее были красны и напряжены, так как кричала она изо всей силы.

Не желаю я больше служить! продолжала она. Замучилась! Как работа, как в лавке сидеть день-деньской, по ночам шмыгать за водкой так это мне, а как землю дарить так это каторжанке с ее чертенком! Она тут хозяйка, барыня, а я у ней прислуга! Всё отдайте ей, арестантке, пусть подавится, я уйду домой! Найдите себе другую дуру, ироды окаянные!

Старик ни разу в жизни не бранил и не наказывал детей и не допускал даже мысли, чтобы кто-нибудь из семейства мог говорить ему грубые слова или держать себя непочтительно; и теперь он очень испугался, побежал в дом и спрятался там за шкафом. А Варвара так оторопела, что не могла подняться с места, а только отмахивалась обеими руками, точно оборонялась от пчелы.

Ой, что ж это, батюшки? бормотала она в ужасе. Что ж это она кричит?

Ох-тех-те... Народ-то услышит! Потихе бы... Ой, потихе бы!

Отдали каторжанке Бутёкино, продолжала Акси́нья кричать, отдайте ей теперь всё, мне от вас ничего не надо! Провались вы! Все вы тут одна шайка! Нагляделась я, будет с меня! Грабили и прохожих, и проезжих, разбойники, грабили старого и малого! А кто водку продавал без патента? А фальшивые деньги? Понабили себе сундуки фальшивыми деньгами и теперь уж я не нужна стала!

Около настежь открытых ворот уже собралась толпа и смотрела во двор.

Пускай народ глядит! кричала Акси́нья. Я вас осрамлю! Вы у меня сгорите со срама! Вы у меня в ногах навалаетесь! Эй, Степан! позвала она глухого.

Поедем в одну минуту домой! К моему отцу, к матери поедем, с арестантами я не хочу жить! Собирайся!

Во дворе на протянутых веревках висело белье; она срывала свои юбки и кофточки, еще мокрые, и бросала их на руки глухому. Потом, разъяренная, она металась по двору около белья, срывала всё, и то, что было не ее, бросала на землю и топтала.

Ой, батюшки, уймите ее! стонала Варвара. Что же она такое? Отдайте ей Бутёкино, отдайте ради Христа небесного!

Ну, ба-а-ба! говорили у ворот. Вот так ба-а-ба! Расходилась страсть!

Аксинья вбежала в кухню, где в это время была стирка. Стирала одна Липа, а кухарка пошла на реку полоскать белье. От корыта и котла около плиты шел пар, и в кухне было душно и тускло от тумана. На полу была еще куча невымытого белья, и около него на скамье, задирая свои красные ножки, лежал Никифор, так что если бы он упал, то не ушибся бы. Как раз, когда Аксинья вошла, Липа вынула из кучи ее сорочку и положила в корыто, и уже протянула руку к большому ковшу с кипятком, который стоял на столе... Отдай сюда! проговорила Аксинья, глядя на нее с ненавистью, и выхватила из корыта сорочку. Не твое это дело мое белье трогать! Ты арестантка и должна знать свое место, кто ты есть!

Липа глядела на нее, оторопев, и не понимала, но вдруг уловила взгляд, какой та бросила на ребенка, и вдруг поняла, и вся помертвела...

Взяла мою землю, так вот же тебе!

Сказавши это, Аксинья схватила ковш с кипятком и плеснула на Никифора.